

## Епископ Алексей (Буй) и движение истинно-православных в Воронежской епархии

2013-02-27 21:05:41 By Шкаровский Михаил Витальевич

Движение истинно-православных в Центральном Черноземье России возглавил епископ Алексей (в миру Семен Васильевич Буй). Во многом благодаря его активной церковной деятельности этот значительный по площади и населению регион стал после Великой Отечественной войны основным районом распространения тайных общин, и еще несколько десятилетий после мученической кончины Владыки его последователей называли □ бுவцами □.

Родился епископ Алексей в 1892 г. в пос. Ксениевском (Ксеньевка) Новокустовской волости Томского уезда и губернии, в семье крестьян, переселившихся в Сибирь из Витебской губернии. Это объясняет западнорусскую фамилию Владыки. Учился мальчик, преодолевая значительные трудности. По его словам, он □ закончил приходское и духовное училище в Томске и, не имея средств для продолжения образования, поступил в церковно-приходскую школу при Красноярском Знаменском монастыре, где состоял также делопроизводителем □.

Пребывая в расположенном в 30 верстах от города монастыре, Семен Васильевич заочно учился в Духовной семинарии Красноярска и в 1915 г. сдал экзамены на четвертый класс, но дальше учиться не смог из-за отсутствия средств. В начале сентября 1915 г. С.В. Буй поступил келейником в Архиерейский дом в Томске и с благословения архиепископа Томского и Иркутского Анатолия (Каменского) был принят в слушатели местной семинарии и сумел закончить ее.[1]

29 сентября 1915 г. Семен Васильевич в Архиерейском доме принял монашеский постриг с именем Алексей, а 11 октября того же года был рукоположен во иеродиакона Владыкой Анатолием в кафедральном соборе Томска. Оставаясь приближенным архиепископа, иеродиакон исполнял при нем обязанности делопроизводителя, т.е. заведовал канцелярией. 4 апреля 1917 г. Владыка Анатолий посвятил о. Алексия во иеромонаха, но оставил при себе и только в 1918 г. отправил в Бийское катехизаторское училище на Алтае для преподавания Священного Писания. Около года о. Алексей исполнял в училище обязанности инспектора, вернувшись в Томск осенью 1919 г., уже после завершения в этих местах гражданской войны.

Несколько месяцев иеромонах был личным секретарем архиеп. Анатолия, а в середине 1920 г. переехал в Иркутск, где поступил в пригородный Князь-Владимирский мужской монастырь. 27 июня 1922 г. о. Алексей был назначен настоятелем этой обители, но вскоре монастырь оказался закрыт советскими властями. Осенью 1922 г. иеромонах, видимо за непризнание обновленческого Епархиального управления, оказался арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и три месяца провел в городском Доме заключения. Затем он был оправдан судом, но вынужден уехать из Иркутска. По некоторым сведениям иеромонах сразу после освобождения по вызову ОГПУ прибыл в Москву, где имел малоприятную беседу с начальником □ церковного □ отдела Е.А. Тучковым.

21 апреля 1923 г. о. Алексия приняли в Самарскую епархию, где правящий архиерей – архиепископ Анатолий (Грисюк) назначил его настоятелем Александро-Невского мужского монастыря под Бугульмой с возведением в сан архимандрита. Владыка задумал сделать о. Алексия своим викарием с кафедрой в Бугульме, но не успел до своего ареста. Вопрос

пришлось решать срочно в конце 1923 г.

1 января 1924 г. собравшиеся в Уфе епископы: Довлекановский Иоанн (Поярков), Стерлитамакский Марк (Боголюбов) и Байкинский Вениамин (Фролов) подписали решение: □ ...святые Божии церкви соседней к Уфе православной епископии Самарской лишены в настоящие дни главенствующего руководителя жизни церковной, а также и то, что в сей епископии не имеется ни одного православно-мудрствующего епископа, состоящего в нелицемерном общении с прочими православными епископами Заволжья и облеченного хотя бы частью архиерейских полномочий, нижеподписавшиеся епископы за благо рассудили учредить в г. Бугульме Самарской епархии кафедру викарного епископа, об открытии которой донести Святейшему Патриарху □ .

Обосновывая свое решение, епископы ссылались не только на желание архиеп. Анатолия и известность о. Алексея жителям Бугульмы, но и на то, что □ содержание одного кандидата во епископы не потребует особых расходов, так как он занимает место настоятеля общины и получает от нее довольствие □ . Наречение и хиротонию архимандрита Алексея во епископа Бугульминского указанные архиереи, вместе с временно управляющим епархией еп. Иоасафом (Рогозиным), совершили в тот же день – 19 декабря 1923 г./1 января 1924 г. в Уфе в Никольской крестовой церкви.[2]

Следует отметить, что хиротония была совершена, несмотря на ответную телеграмму Патриарха Тихона уфимским архиереям с предложением временно воздержаться от нее до выяснения ситуации и представить все данные об архим. Алексие. На Бугульминской кафедре епископ пробыл недолго, в начале 1924 г. он приехал в Москву, испросил у Патриарха Тихона благословения, был признан милостью Первосвятителя в архиерейском сане и 13 марта назначен епископом Петропавловским, викарием Омской епархии с правом управления ею, вместо епископа Григория (Козырева), не пожелавшего занять это место. Это опровергает утверждение в характеристике Владыки Алексея, данной канцелярией Временного Патриаршего Священного Синода после отделения епископа от митр. Сергия (Страгородского), о том, что архиеп. Анатолий якобы не избирал архим. Алексея во епископа Бугульминского.[3]

12 апреля 1925 г. Владыка Алексей присутствовал на погребении Патриарха Тихона в Донском монастыре и в тот же день в числе других архиереев подписал в качестве епископа Петропавловского определение о подлинности завещания Первосвятителя и передаче высшей церковной власти Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). Вскоре Владыка Алексей был назначен епископом Семипалатинским, викарием Омской епархии. Возможно, кафедрами в Северном Казахстане епископ был обязан своему прежнему покровителю Владыке Анатолию (Каменскому), который с 1923 г., до своей кончины осенью 1925 г. проживал в Омске при местном архиерее Викторе (Богоявленском), будучи с ним очень дружен. Большую часть своей жизни епископ Алексей прожил в Сибири, покинув ее в 33 года. Около двух месяцев он управлял Екатеринбургской епархией, а в октябре 1925 г. был назначен епископом Велижским, временно управляющим Витебской епархией и занимал эту кафедру до февраля 1926 г.

12 января 1926 г. еп. Алексей участвовал вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) в состоявшейся в Нижнем Новгороде архиерейской хиротонии Владыки Димитрия (Любимова), с которым тогда впервые встретился. В феврале 1926 г. Владыка Алексей начал служить в Центральном Черноземье России, сначала короткое время епископом Острогужским, викарием Воронежской епархии, затем епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии, епископом Шацким в той же епархии и вновь епископом Козловским. При этом Владыка также

временно управлял Тамбовским и Кирсановским округами. В 1926 г. он в течении шести месяцев находился в заключении в московской Бутырской тюрьме.

В январе 1927 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович) назначил епископа Алексея одним из трех кандидатов на должность временного исполняющего обязанности Заместителя Местоблюстителя в случае его ареста. 16/29 февраля 1927 г. архиеп. Серафим также назначил Владыку Алексея временно управляющим Воронежской епархией с оставлением и епископом Козловского округа. Осенью того же года еп. Алексей переехал жить из Козлова в Воронеж. Едва появившись в городе, епископ сразу привлек внимание органов ОГПУ, на него стали собирать компрометирующие материалы. Архивные документы свидетельствуют, что для ОГПУ наблюдение за архиереем и его сторонниками проходила как агентурная разработка под названием «Стадо». В декабре 1927 г. новый Заместитель Местоблюстителя митр. Сергей (Страгородский) назначил Владыку Алексея епископом Уразовским, викарием Воронежской епархии, но тот это назначение, видимо, не принял, так как продолжал именовать себя епископом Козловским.[4]

Движение истинно-православных возникло в Центральном Черноземье России на рубеже 1928 и 1929 гг., 9/22 января 1929 г. епископ Алексей огласил в Воронеже свое послание к православному клиру и мирянам Воронежской епархии об отмежевании от митрополита Сергея (Страгородского): « Своими противными духу Православия деяниями митрополит Сергей отторгнул себя от единства со Святой, Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви... Будучи волею Божией и благословением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Серафима, архиепископа Угличского от 16 (29) февраля 1927 года облечен высокими полномочиями быть стражем Воронежской Церкви с оставлением одновременно и епископом Козловского округа и вполне разделяя мнения и настроения верных православных иерархов и своей паствы, отныне отмежевываюсь от митрополита Сергея, его неканонического Синода и деяний их, сохраняя каноническое преемство через Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого... Высокопреосвященнейшего Иосифа [Петровых] избираю своим высшим духовным руководителем. Молю Господа, да сохранит Он мирну страну нашу, да утвердит и соблюдет Церковь Свою Святую от неверия, ересей и раскола и дарует нам ревность и мужество ходить в оправданиях Своих без порока». [5]

Подписанное представителями воронежского духовенства послание было доставлено келейником еп. Алексея, священником Стефаном Степановым митр. Иосифу и получило его одобрение, несмотря на отказ административно возглавить воронежское духовенство (Владыка написал резолюцию: « Управляйтесь сами, самостоятельно – иначе погубите и меня и себя»).[6]

Позднее в материалах следственных дел инициатором антисергианского движения в Воронеже было названо ссыльное духовенство, которое формировало тогда общественное церковное мнение в городе: отцы Николай Пискановский, Иоанн Стеблин-Каменский, Иоанн Андреевский, Илия Пироженко, Петр Новосельцев, Евгений Марчевский и Сергей Гортинский. По словам о. Сергея Бутузова, « они создали то твердое настроение массы, которое за собой увлекло все воронежское духовенство». Московский прот. Николай Дулов на допросе даже показал, что, узнав осенью 1927 г. о первоначальном признании еп. Алексием Декларации митр. Сергея, он написал письмо прот. Н. Пискановскому о необходимости привлечь на свою сторону « ангела» (т.е. Владыку Алексея); и представители ссыльного духовенства « начали насаждать» на епископа, убеждая в необходимости отхода от Заместителя Местоблюстителя.[7]

27 января 1928 г. митр. Сергей и Временный Патриарший Священный Синод приняли постановление по делу о раздорнической деятельности еп. Алексея (Буя), он был предан архиерейскому суду, запрещен в священнослужении и уволен на покой. 11 апреля эти меры прещения были подтверждены новым постановлением Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и Синода, однако Владыка Алексей этим указам не подчинился.[8]

В конце января епископ Богучарский Владимир (Горьковский) объявил клиру и прихожанам об отпадении еп. Алексея от Церкви и заявил, по указанию митр. Сергия, о своих претензиях на управление епархией, но Владыка Алексей, в свою очередь, не благословил общение с еп. Владимиром. А 14 февраля 1928 г. Заместителем Местоблюстителя назначил временно управляющим Воронежской епархией епископа Егорьевского Павла (Гальковского).[9]

Центром деятельности иосифлян в епархии стал Алексеевский Акатов мужской монастырь в Воронеже, а также Покровский Девичий монастырь и, в первой 1928 г., Вознесенская и Пятницкая (Рождества Богородицы) воронежские церкви. Всего же в епархии от митр. Сергия отделилось более 80 приходов, в основном в Острогожском, Усманском и Борисоглебском округах. Численность же иосифлянского духовенства точно установить невозможно. По данным ОГПУ в 1929 г. активных членов организации насчитывалось около 700 человек, в 1930-1931 гг. их было раскрыто до тысячи, в 1932 г. выявили еще 27 групп общей численностью 202 человека. Сведения о социальной принадлежности в следственных делах 1930 и 1932 гг. имеются на 567 человек, из них 97 были священниками, 120 - монашествующими и один - епископом. В 1928-1929 гг. арестовано не менее 33 священнослужителей. Таким образом, общая численность иосифлянского черного и белого духовенства, вероятно, доходила до 400 человек.

Движение охватило около сорока районов Центрально-Черноземной области. Так, 17 марта в Воронеж приехал из Ельца священник Владимирской церкви о. Сергей Бутузов. Он встречался с еп. Алексием и переписал у него иосифлянские воззвания и послания. Вскоре еп. Алексей прислал в поддержку Бутузову игум. Питирима (Шумских), который помог организации монашеской общины при Владимирской церкви, а затем и в отделении от митр. Сергия расположенного вблизи Ельца Знаменского монастыря.

В Задонском районе Елецкого округа иосифлянское духовенство возглавил архим. Никандр (Стуров), а в начале сентября 1928 г. сам еп. Алексей ездил в Задонск для утверждения там иосифлянства. Немало приходов в окормляемом еп. Алексием с февраля 1926 г. Козловском округе отошло от митр. Сергия, в том числе Никитская церковь в г. Козлове (ныне г. Мичуринск Тамбовской области), храм в с. Избердей, Петропавловская кладбищенская церковь в Тамбове. Весной и летом 1928 г. к еп. Алексию присоединилась значительная часть приходов Старооскольского округа во главе с благочинным прот. Афанасием Шмигальевым, храмы в селах Дроново и Теребрино Белгородского округа, в Курске и на юге Курского округа.

18 марта 1928 г. к еп. Алексию приехал руководитель антисергианских, уже перешедших на автокефальное управление приходов Майкопского, Черноморского и Армавирского округов Северо-Кавказского края и значительной части Восточной Украины епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Он признал еп. Алексея руководителем и духовным вождем и разослал воззвания к духовенству с указанием о переходе под руководство управляющего Воронежской епархией. В 1930 г. о. С. Бутузов показал на допросе: «Объехав юг России, еп. Варлаам объединил на платформе организации целый ряд приходов на Полтавщине, Харьковщине, на юге Курской губ. и, в частности, группу Сумского округа, возглавляемую свящ. Василием Подгорным. Не имея абсолютности самому управлять, Варлаам передал их в полное

руководство еп. Алексею. Это было начало объединения вокруг Алексея южных приходов России □.[10]

11 мая 1928 г. Владыка Алексей уехал в Москву по вызову ОГПУ, где ему было объявлено о запрещении жить в Воронеже. После этого епископ в сопровождении прот. Н. Дулова посетил Ленинград, где в середине мая на квартире прот. Феодора Андреева состоялось совещание руководителей иосифлян с участием еп. Димитрия (Любимова) и М.А. Новоселова. На допросе 11 июля 1930 г. о. Н. Дулов показал, что □ Новоселов проявил большой интерес к еп. Алексею. Помню, что проф. Новоселов при входе в кабинет архиепископа Димитрия высказывался по вопросу епископа Алексея, называл его □ столпом южной церкви □ и указывал на умелое ведение дела еп. Алексием... Новоселов интересовался у еп. Алексея вопросом отношения паствы и духовенства к антихристу. Еп. Алексей отвечал, что паству смущает закрытие церквей и активная антирелигиозная работа, а поэтому почва для распространения идей об антихристе благоприятная □.

На совещании обсуждался и вопрос выбора нового места жительства епископа в связи с его высылкой из Воронежа. Первоначально было решено, что Владыка поселится под Ленинградом - в Сестрорецке или Стрельне, но затем епископ выбрал г. Елец. После майского совещания еп. Алексей стал управляющим всеми иосифлянскими приходами юга России и исполняющим обязанности экзарха Украины. Владыка Димитрий передал епископу Козловскому окормляемое им ранее духовенство Кубани и Ставрополя, мотивируя тем, что ему далеко и трудно осуществлять это руководство (все назначения были проведены с благословения митр. Иосифа). Летом 1928 г. к еп. Алексею присоединились бывшие сергианские приходы юга России и Украины: в Елисаветграде (Зиновьевске), Купянском округе, различных районах Кубани (в том числе в Ейске). Ближайшие помощники Владыки называли его в шутку □ митрополитом всея Украины и Юга России □.[11]

Еп. Алексей поддерживал связь не только с архиеп. Димитрием, но и с митр. Иосифом. На допросе осенью 1930 г. митрополит показал: □ Из Воронежской епархии я посетителей не имел, но получил через Ленинград одно или два письма еп. Алексея, управлявшего Воронежской епархией, с сообщением (кратким) о положении дел в их крае, и с просьбой - в затруднительных случаях не оставить советом чрез Вл. Димитрия. Краткий же ответ был послан на это, кажется, тоже через еп. Димитрия, или почтой - не помню □.[12]

С 20 мая 1928 г. епископ жил в Ельце. Своим представителем в Воронеже, епархиальным благочинным, он назначил прот. Александра Палицына, а его помощником - прот. Иоанна Стеблина-Каменского. □ После водворения на жительство в Ельце еп. Алексея, началась волна присоединений. Моя квартира стала вроде странноприимного дома, так как каждый день ночевало от двух до трех священников. Большую массу присоединений дал Сумской округ, куда еп. Алексей рукоположил не один десяток священнослужителей □, - показывал на допросе о. Сергей Бутузова.[13]

Бурное развитие □ буйевского □ движения встревожило власти, и вскоре последовали репрессии. В 1928 г. были высланы из Центрально-Черноземной области протоиереи Петр Новосельцев, Илия Пироженко (по постановлению Коллегии ОГПУ от 17 февраля), Николай Пискановский, Иоанн Андриевский (по постановлению Коллегии ОГПУ от 31 августа). В Ельце 21 июля 1928 г. был арестован, а 12 сентября выслан из города о. Сергей Бутузов. Еп. Алексей направил священника в Вознесенскую церковь Воронежа, но его там не приняли, храм уже заняли сергиане, и о. Сергей со 2 января 1929 г. стал настоятелем церкви в с. Нижний Икорец Лискинского района.

После смерти прот. Александра Палицына в конце 1928 г. еп. Алексей назначил епархиальным благочинным прот. Иоанна Стеблина-Каменского, ранее высланного в Воронеж, где тот служил в церкви Девичьего монастыря и фактически руководил им. □ Бувевцы □ поддерживали общение с иосифлянами Ленинграда и Москвы. Осуществлялась оно в основном через прот. Николая Дулова и о. Стефана Степанова, который в сентябре 1928 г. несколько раз встречался с еп. Димитрием (Любимовым) и ездил в пос. Тайцы под Ленинградом, где существовало тайное место хранения иосифлянкой литературы.[14]

Весной 1929 г. последовали новые репрессии: 6 марта в Ельце был арестован еп. Алексей, 2 мая закрыта церковь Девичьего монастыря, а 19 мая арестован о. Иоанн Стеблин-Каменский. Тогда же прекратил существование действовавший параллельно с сергианским легальный иосифлянский епархиальный благочинный совет. Владыка Алексей был арестован как □ организатор контрреволюционных монархических организаций □ Бувевцы □ . В рапорте проводившего задержание оперуполномоченного отмечалось, что □ во время обыска гр. Буй А.В. держал себя дерзко и вызывающе, всячески иронизировал над сотрудиниками □ .

При обыске было изъято антисергианское послание архиеп. Серафима (Самойловича), ставшее вещественным доказательством вины епископа в распространении этого послания. 7 марта Владыка Алексей был перевезен в Москву, где на время следствия заключен в Бутырскую тюрьму. Уже 20 апреля ему было предъявлено обвинение, в котором говорилось: □ Принадлежа к крайне правым церковникам, распространял их антисоветскую литературу □ . 17 мая 1929 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа к 3 годам концлагеря. 9 июня он был доставлен для отбытия срока в страшный Соловецкий лагерь особого назначения.[15]

Согласно материалам следственных дел, для осуществления практического руководства □ бувевским □ движением в Воронеже вместо легального благочиннического совета была создана тайная коллегия по управлению епархией (пресвитерианский совет) из пяти человек. Председателем ее стал прот. Иоанн Стеблин-Каменский, членами - священники о. Сергей Гортинский, о. Евгений Марчевский, о. Иоанн Житяев и архим. Игнатий (Бирюков) - епархиальный духовник, возглавлявший иосифлянское монашество Центрально-Черноземной области.

Коллегия имела в епархии широкую сеть разъездных пропагандистов-связистов, главными из которых названы архим. Тихон (Кречков), игум. Иоанний (Яцук), иеромон. Мелхесидек (Хухрянский), миряне Поляков, Карцев и Карельский. После ареста о. Иоанна тайную коллегию возглавил священник Сергей Гортинский, в ее состав в качестве секретаря ввели настоятеля церкви Алексеевского монастыря свящ. Феодора Яковлева. Удалось наладить общение и с находившимся в лагере еп. Алексием, который участвовал на Соловках в тайных богослужениях иосифлян.[16]

Одним из основных пунктов обвинения на следствии являлась агитация среди крестьян и непосредственное участие □ бувевского □ духовенства в массовых крестьянских выступлениях. Алексеевскому монастырю ОГПУ была отведена роль места, где в 1929 - начале 1930 гг. периодически проводились совещания □ бувевского □ руководства для координации работы среди крестьянства.

Согласно протоколу допроса свидетеля - церковного старосты храма Алексеевского монастыря Гочаскова (весна 1930), на одном из совещаний в декабре 1929 г. священник Феодор Яковлев говорил: □ ...духовенство и верующие сейчас терпят большие насилия от Советской власти.

Церкви закрываются, священники арестовываются, а крестьян насильно загоняют в колхозы. Крестьяне страшно озлоблены против Советской власти, а поэтому духовным нужно еще больше разжечь недовольство крестьян против власти [1]. Присутствующие на совещании пришли к мнению, что самым удачным способом агитации среди крестьянства являются исповеди, кроме того, большое значение имеют беседы монахинь с верующими. Поэтому [2] на исповеди духовенство должно внушать верующим, особенно женщинам, что колхозы есть фактическое закрытие церкви, лишение верующих общения с богом, лишение получения благодати, что колхозы есть не что иное, как дело рук сатаны. Когда же крестьянство будет восставать против колхозов, то неизбежно будет и то, что правительство вынуждено будет пойти на уступки или же ему будет грозить крах [3]. [17]

Далее по версии следствия решения, принятые на совещаниях, проводились в жизнь десятками сельских священников. Так, в протоколе допроса о. Петра Корыстина зафиксировано получение руководящих указаний от архим. Тихона (Кречкова): [4] ...через монашек и странников растолковывать крестьянам, что колхоз и Советская власть есть дьявольское дело, что у вступающих в колхозы церкви будут закрыты и верующим нельзя будет отправлять религиозные требы, а поэтому надо поднимать крестьян против всего этого, и если крестьяне поднимутся в одном-другом и нескольких местах, то власть вынуждена будет сделать послабление в религиозном вопросе [5]. Игумен Иоанникий (Яцук) проповедовал, что [6] теперь наступили времена антихриста, власть борется с богом, поэтому все, что Соввласть старается навязать крестьянам: колхозы, кооперация и т.д. - не нужно принимать [7]. [18]

Действительно, насильственная коллективизация в Воронежской губернии привела в начале 1930 г. к целому ряду крестьянских восстаний. Большая часть подобных выступлений в Острогожском, Усманском, Борисоглебском, Козловском, Елецком, Белгородском и других округах была приписана влиянию [8] бueвцев [9]. Так, в Острогожском округе с 4 января по 5 февраля в 20 селах (Нижний Икорец, Песковатка, Капанище, Платава и др.) восставшие громили здания сельсоветов, избивали советских и партийных работников, разбирали колхозный инвентарь. А в с. Нижний Икорец (в деле - [10] опорный пункт движения [11]) 21-22 января 1930 г. сотни крестьян, в основном женщин, разгромили сельсовет, сорвали красный флаг, уничтожили портреты вождей и ходили по улицам с черным флагом и криками: [12] Долой колхозы! Долой антихристов-коммунистов! [13]. [19]

Мон. Макрина (Масловская), арестованная как активная участница этих выступлений показала: [14] Везде проповедовала Христа... Чтобы граждане боролись с отступниками от бога, которые являются посланниками антихриста и чтобы не шли крестьяне в колхозы, так как, идя в коллективы, они отдают душу антихристу, который явится вскоре... В с. Н.-Икорец верующие не идут и не пойдут в колхоз... За 1929 г. обошла очень много мест и везде агитирую против коммунистов [15]. [20]

Деятельность [16] бueвцев [17] осложнялась отсутствием постоянного Владыки. Первоначально после ареста еп. Алексея воронежских иосифлян окормлял епископ Серпуховский Максим (Жижиленко), в храмах поминали Владыку Алексея за обычным богослужением, а еп. Максима и архиеп. Димитрия - на сугубой ектенье. Однако 24 мая 1929 г. еп. Максим был арестован, после чего среди воронежского духовенства начались разногласия. Большую часть [18] бueвских [19] приходов епархии с августа окормлял иосифлянский епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов), который жил в г. Новомосковске бывшей Екатеринославской губернии. Прошение о присоединении к нему написал епархиальный духовник архим. Игнатий (Бирюков) [20] с братиею [21]. [21]

В то же время управлявший Задонским округом архим. Никандр (Стуров) подал прошение архиеп. Димитрию с просьбой принять духовенство округа под свое окормление и получил его письменное согласие. Владыка Димитрий окормлял Задонский округ вплоть до ареста в ноябре 1929 г. В июле к нему из Воронежа за рукоположением приезжали игумен Питирим (Шумских) и иеродиакон Мелхесидек (Хухрянский), но получили отказ, так как нарушали монашеский устав. Тем не менее, еп. Иоасаф (Попов) возвел их в сан соответственно архимандрита и иеромонаха. Так как Новомосковск находился значительно ближе, чем Ленинград, то основная часть □ бueвцев □ была вынуждена окормляться у еп. Иоасафа, иногда даже против желания, например, о. Феодор Яковлев выступал за присоединение к архиеп. Димитрию, активно переписывался с ним, но в августе все же согласился с циркуляром еп. Иоасафа, что во главе управления делами епархии будут находиться он и о. Сергей Гортинский.[22]

Поначалу деятельность малоизвестного епископа Бахмутского Иоасафа вызвала недоверие у иосифлян, однако, еп. Алексей в декабре 1929 г. передал управление епархией еп. Иоасафу, этот акт санкционировал и архиепископ Гдовский. Но □ многие воронежские священнослужители все равно ездили к архиеп. Димитрию, известному на всю Россию своей стойкостью Православию □ (протокол допроса свящ. Сергея Бутузова). Сам о. Сергей получил предложение Владыки принять место под его руководством и 6 ноября 1929 г. переехал в Ленинград. Архиеп. Димитрий хотел отправить о. Сергея в Вятку или Серпухов, но прихожане Моисеевской церкви на Пороховых добились оставления о. Сергея в своем храме, где он и был арестован 19 марта 1930 г.[23]

Епископ Иоасаф окормлял основную часть □ бueвцев □ до массовых арестов начала 1930 г. Летом 1929 г. был арестован о. Сергей Гортинский по обвинению в присвоении прав управления епархией, но доказательств оказалось недостаточно, и его освободили. Еще один член иосифлянской коллегии, о. Иоанн Житяев, был арестован в августе, затем ненадолго освобожден, в декабре снова арестован и по обвинению в □ воровстве церковных вещей □ приговорен к двум годам лишения свободы. А уже в феврале-марте 1930 г. было сфабриковано дело □ Церковно-монархической организации "бueвцы" □ .

В эти месяцы по делу оказались арестованы 134 человека, а всего привлечено 492 человека. Обвиняемые содержались в Воронежской тюрьме, следствие вело Полномочное Представительство ОГПУ по Центрально-Черноземной области. К делу в качестве вещественных доказательств были приобщены документы: более десяти воззваний, писем, обращений, брошюра □ Что должен знать православный христианин □ и другие.

Согласно обвинительному заключению на 38 человек (от 23 июля 1930 г.), разоблаченная организация якобы была построена в соответствии с церковно-иерархической структурой, периферийные группы создавались около приходских советов. □ Опорные пункты □ во главе с местными священниками существовали в большинстве крупных сел и во всех городах области. Работа, нацеленная, в первую очередь, против коллективизации, проводилась в трех направлениях: распространение антисоветских воззваний, брошюр и листовок по опорным пунктам; посылка по районам пропагандистов-связников из духовенства; прием с мест руководителей опорных пунктов и составление им директив. И конечно, □ бueвцам □ приписывалась организация многих десятков выступлений крестьянства. Здесь явно преувеличивались как степень централизации и организованности движения, так и его антисоветская, контрреволюционная направленность.

Епископ Алексей (Буй), протоиереи Иоанн Стеблин-Каменский и Николай Дулов, находившиеся



на Соловках, были там взяты под стражу 20 февраля и уже с 5 марта находились в воронежской тюрьме. Владыка Алексей на допросах вел себя стойко и на последнем протоколе собственноручно написал: « Виновным себя ни в чем не признаю ». Однако многие сподвижники епископа не выдержали давления органов следствия и « сломались ». 5-6 июля были проведены очные ставки Владыки с прот. Н. Дуловым, священниками С. Степановым и С. Бутузовым, которые в присутствии еп. Алексея подробно рассказали о его контактах с еп. Варлаамом (Лазаренко), еп. Димитрием (Любимовым) и другими активными иосифлянами. Потрясенный этими показаниями Владыка частично признал свою вину.[24]

По постановлению Коллегии ОГПУ от 28 июля 1930 г. были осуждены 38 человек, в том числе 12 приговорены к высшей мере наказания: еп. Алексей, иеромон. Косьма (Вязников), архим. Тихон (Кречков), священ. Сергей Гортинский, священ. Феодор Яковлев, прот. Иоанн Стеблин-Каменский, священ. Александр Архангельский, священ. Георгий Никитин, миряне Г.Д. Пожаров, М.П. Тымчишин, Е.Н. Гребенщиков и П.М. Вязников, 14 - к 10 годам лагерей, 10 - к 5 годам, один был выслан на 5 лет в Северный край и один приговорен к 3 годам лагерей условно.[25]

Приговор к высшей мере в отношении еп. Алексея не привели в исполнение. Владыка был привлечен по делу Всесоюзного центра « Истинное Православие » - как « руководитель Воронежского филиала », перевезен в Москву и с сентября 1930 г. около года находился в Бутырской тюрьме. На допросе в октябре 1930 г. еп. Алексей твердо заявил: « Ни к какой контрреволюционной организации церковников не принадлежал и церковную ориентацию, к которой я примыкал, контрреволюционной не считаю ». Владыка подтвердил, что считает каноническим главой движения « бுவцев » митр. Иосифа (Петровых). 28 ноября коменданту тюрьмы пришла телефонограмма от Е. Тучкова о необходимости изолировать архиеп. Димитрия (Любимова) от 10 других арестованных по указанному делу, в том числе еп. Алексея (Буй).[26] Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 сентября 1931 г. Владыку Алексея делу Всесоюзного центра « Истинное Православие » приговорили к высшей мере наказания с заменой 10 годами заключения, считая срок с 6 марта 1930 г., и поглощением прежнего приговора. Затем его отправили отбывать срок в Свирские лагеря (на востоке Ленинградской области), куда епископ прибыл 3 октября 1931 г.

Почти сразу же после прибытия Владыки в лагерь за ним было установлено постоянное агентурное наблюдение. Так 2 февраля 1932 г. начальник информационно-следственного отдела управления Свирлага писал старшему уполномоченному 2-го отделения: « В обслуживаемом Вами Отделении содержится заключенный Буй Алексей, являющийся учетником литерного дела « Православное духовенство ». Названный является б. Управляющим Воронежской епархией и исполняющим обязанности Экзарха Украины. Немедленно через имеющееся у Вас спецсведомление окружить его постоянным и непрерывным наблюдением, выявляя его действия и связи с заключенными в лагерях и вне, с кем, когда и где названный имеет разговоры и на какую тему, прикрепив к нему постоянного спецсведомителя « Звезда », через которого и ведите наблюдение. Сообщите нам, на каком л/пункте Буй содержится и какую выполняет работу. Весь получаемый на него инфматериал немедленно помещайте в очередные меморандумы, которые представляйте нам ». [27]

Но к этому времени за епископом уже более месяца велось наблюдение. В частности 26 декабря осведомитель « Разумов » сообщил лагерной администрации: « ...з/к Коровкин спел песнь а/сов. содержания. Услышав эту песнь, Буй сказал, что он вполне одобряет ее и что, слушая такие песни, чувствуешь, что рано или поздно коммунистам придет конец. Находясь в заключении уже второй раз, я много видел несправедливостей и насилия. Народ дальше

такого насилия терпеть не будет. Вот пример насилия налицо - большинство заключенных, находящихся в лагерях, осуждены по ст. 58 и 90% из них осуждены крестьяне, которые не только не умеют агитировать, но даже не могут подписать своей фамилии. Для того, чтобы вовлечь всех крестьян в колхозы, сов. власть ни за что осудила ряд крестьян, чтобы заставить остальных вступить в колхоз. Наблюдая это явление, я смело говорю, что это то же крепостное право, обратите внимание на то - куда девались продукты питания, и много ли дало коллективное хозяйство... ничего. При коллективном хозяйстве видно, что крестьянин вовсе не заинтересован в обработке земли, а поэтому и собирается плохой урожай, поэтому-то в настоящее время и нет продуктов ☐.

19 января 1932 г. еп. Алексей был переведен из Важинского лагпункта, где он первоначально находился, в лагпункт № 1 и назначен дневальным в бараке. И сразу же об обстоятельствах его прибытия поступили донесения от четырех осведомителей: ☐ Пилы ☐, ☐ Незабудки ☐, ☐ Георгия ☐ и ☐ Хромого ☐: ☐ на 1-й лагпункт 2 отд. в барак священников прибыл епископ Буй А. О его прибытии духовенство лагпункта №1 неизвестным источником заранее было поставлено в известность, а потому Бую была приготовлена торжественная встреча, выразившаяся в следующем: закончив работу, все духовенство собралось в барак и устроило собрание, на котором с 2 отдел., приветственным словом выступил священник з/к Кутепов Вениамин Петрович, осужд. КОГПУ - по ст. 58-8 УК на 5 лет. В своей речи последний сказал: ☐ Какое большое счастье господь послал для нашего духовенства, находящегося в лагерях, такой большой праздник, как крещение господне, - в нашу братию прибыл наставник и духовный архипастырь, который своими молитвами будет просить господа бога облегчить наши страдания, будем страдать и переносить все мучения с главой нашего православного духовенства. Если архиепископ Алексей был несправедлив по отношению некоторого духовенства на свободе, то теперь, находясь здесь, в концлагере, несправедливости не допустит. Мы, духовенство, просим его молитвы, чтобы господь помог перенести все посланные на нас мучения, бог послал на землю спасти человечество единственного сына, а вас (обращается к Бую) господь послал к нам ободрить павших духом духовенство. Нам с вами радостно будет и погибнуть, т.к. мы, духовенство, собраны сюда для издевательства и гибели ☐. Буй поблагодарил братию за торжественный прием, произвел благословение всех служителей культа - каждого в отдельности, после чего было пропето ☐ многие лета ☐ архиерею Алексею ☐.

Подобные донесения поступали до конца пребывания епископа в Свирлаге. Так 9 октября 1932 г. осведомитель ☐ Штиль ☐ доносил: ☐ З/к Буй в разговоре с з/к Медуница Иваном Трофимовичем... сказал: ☐ Будем верить в господа, что бог терпит до времени, надоела эта проклятая жизнь, а вместе с ней и власть, которая нагнала в лагерь невинных людей, оставив дома голодных детей ☐ ☐. А на следующий день уже другой доносчик - ☐ Пила ☐ сообщал: ☐ Епископ Буй своим поведением в бараке, старается обратить на себя внимание з/к: долго молится по вечерам, призывает их к терпению, обещая скорое освобождение... Буй ведет к.-р. деятельность, которая выражается в том, что он, являясь авторитетом для а/сов. прослойки лагеря, не выступает против а/сов. суждений, высказываемых в его присутствии, а наоборот - своим молчанием или узаконивает их, или же отдельными репликами поддерживает, а иногда даже прямо ведет а/сов. разговоры ☐.[28]

4 января 1932 г. еп. Алексей написал письмо с просьбой об освобождении на имя Сталина: ☐ Высокочтимый Иосиф Виссарионович, Вам как руководителю нашего отечества небызвестно, что, будучи Управляющим Воронежской епархией и южными епархиями Украины и Кавказа, я обвинен по ст. 58-10-11 и сослан в Свирлагерь на 10 лет. В настоящем письме я не собираюсь оправдывать себя или обвинять кого. Я хочу лишь просить Вас, Иосиф

Виссарионович, разрешить мне свободное проживание там, где Вам заблагорассудится. Я искренне сочувствую рабоче-крестьянской власти и всем начинаниям, кои проводятся под Вашим мудрым руководством, а Ваш высший акт благоснисхождения еще более обяжет меня не только быть солидарным, но и работать в контакте с советской властью. Примите уверение в глубоком к Вам уважении. Бывший Управляющий Воронежской епархией и и.д. экзарха Украины - епископ Алексей Буй [1]. Однако этот шаг не оказал никакого влияния на положение Владыки.

В Свирлаге епископ имел возможность получать посылки [2] с воли [3] и переписываться с родственниками и духовными детьми: проживавшей в Витебске племянницей, женой бывшего келейника Александрой Александровной Степановой, А.Т. Разумовским из Москвы, воронежской монахиней Анатолией (Сушковой), с которой Владыка вместе отбывал раньше лагерный срок и др. Иногда даже разрешались свидания с приезжавшими в лагерь знакомыми и близкими людьми.

1 ноября 1932 г. еп. Алексия по распоряжению Главного управления лагерями был переведен, [4] как имеющий высшую меру наказания [5], в более суровый Соловецкий лагерь. В составленном в этот день секретным отделением управления Свирлага меморандуме Владыке давалась резко негативная характеристика: [6] Епископ з/к Буй А.В. среди служителей культа всех ориентации, находящихся в лагерях, пользуется большим авторитетом и имеет влияние на них. Это влияние он закрепляет обращающей на себя внимание религиозностью и [7] смирением [8], используя последнее для сколачивания вокруг себя группы а/с элементов [9]. [29]

22 декабря начальник Главного управления лагерями писал в управление Соловецких лагерей: [10] Из Свирлага для дальнейшего содержания в Солов. Испр. - Тр. Лаг. ОГПУ направлен заключенный б. архиепископ Буй Алексей Васильевич. Одновременно из Свирлаг ОГПУ направлены Вам все имеющиеся на з/к Буя агматериалы. Принимая во внимание то, что з/к Буй А.В. пользуется среди служителей религиозного культа всех ориентации большим авторитетом, предлагаю:

- 1) Установить постоянное агнаблюдение за указанным з/к Буй, обеспечив его квалифицированным осведомителем.
- 2) Особенное внимание обратить на попытки з/к Буя связаться с волей.
- 3) О а/с деятельности Буя регулярно сообщайте в докладных записках по служителям религиозных культов [11]. [30]

Однако эта директива запоздала. 19 декабря 1932 г. еп. Алексей был взят под стражу и в тот же день направлен по новому следственному делу с Соловков (где в это время работал помощником делопроизводителя в канцелярии) в Воронеж. После первого группового дела [12] буювцев [13] органы ОГПУ провели еще несколько подобных процессов. Еще в мае 1930 г. прошла вторая волна арестов истинно-православных в Центрально-Черноземной области. Так, 20 мая в воронежскую тюрьму был доставлен новый настоятель церкви Алексеевского монастыря о. Петр Струков. В обвинительном заключении сказано, что он [14] собирал деньги на заключенных в ИТЛ руководителей из духовенства "буювской" организации, также давал деньги из общей кружки духовенства церкви Алексеевского монастыря и на протесты других... Духовенство Алексеевского монастыря в лице руководителей... Струкова Петра и других было против колхоза и этому учило крестьян, чтобы те не шли в колхозы [15]. Постановлением

Тройки Полномочного Представительства ОГПУ в Центрально-Черноземной области от 13 июля 1930 г. о. Петр Струков был приговорен к высшей мере наказания. Вместе с ним расстреляли еще несколько священнослужителей, в том числе иеромон. Мелхесидека (Хухрянского).[31]

Однако еще почти год еп. Иоасаф (Попов) руководил воронежскими иосифлянами. Во второй половине 1930 г. он через назначенных новых благочинных - священников Алексея Попова, Феодора Авдеева, Александра Чуева, Иоанна Мазкина - окормлял около 30 приходов епархии. В апреле-июне к еп. Иоасафу присоединились 12 иосифлянских приходов на Кубани, а 16 января 1931 г. Владыка был арестован. При обыске у него был изъят архив, состоявший в основном из документов по управлению Воронежской епархией, что не могло остаться без последствий - вновь начались аресты. В июне 1931 г. был закрыт Алексеевский Акатов монастырь в Воронеже, а некоторые монахи арестованы.

С 4 октября 1932 по 4 января 1933 гг. в Воронежской епархии прошли массовые аресты по новому делу □ Церковно-монархической организации "буевцы" □ . В Воронежской тюрьме оказалось 202 человека. По данным следствия, находившиеся некоторое время в подполье воронежские иосифляне с января 1932 г. снова активизировались. Инициаторами воссоздания руководящего □ буевского □ центра в епархии в материалах следствия значатся иеромон. Вассиан (Молодцкой) из бывшего Алексеевского монастыря и мон. Анатолия (Сушкова), отбывшая наказание в Свирлаге и к 1932 г. вернувшаяся в Воронеж. Воссозданный за короткий срок □ буевский □ епархиальный центр объединил 27 групп в Воронеже, Козлове и 25 селах, в большинстве из которых еще легально действовали отделившиеся от митр. Сергия приходы. Основными пунктами обвинения иосифлян были агитация против создания колхозов, антицерковной политики властей и распространение соответствующих воззваний. Так, кустарь-портной Е.З. Воронин сочинил две листовки и раздавал их крестьянам.[32]

В следственном деле иосифлянам кроме □ антиколхозных □ настроений были предъявлены и другие политические обвинения: □ По своему политическому мировоззрению к существующему строю в России настроены враждебно по следующим причинам: Советская власть есть власть безбожная, которая ведет борьбу с религией и закрывает церкви, репрессировывает духовенство и этим самым производит гонение на веру. Мы же, буевцы, ведем непримиримую борьбу с Советской властью и ее мероприятиями, создавая наиболее подходящий кадр истинно-православных христиан, которые могли бы быть стойкими борцами за веру христианскую в России... □ (протокол допроса мон. Анатолия от 3 ноября).

В апреле 1932 г. к еп. Алексею на свидание в Свирлаг ездил мон. Серафим (Протопопов). Согласно показаниям иеромон. Вассиана (Молодцкого) Владыка □ при приеме Серафима поручил нам не падать духом и продолжать дело защиты истинно-православной церкви и вести борьбу с гонительницей православия - Советской властью □ .[33]

В августе 1932 г. уже сам иеромон. Вассиан вместе с мон. Серафимом ездил на свидание в Свирлаг, во время этой встречи еп. Алексей наградил его набедренником, утвердил постриг в монахи о. Серафима, назначил благочинным Воронежской епархии настоятеля Углянецкой церкви священника Василия Кравцова и указал продолжать возношение своего имени за богослужением. В протоколе допроса иеромон. Вассиана значится: □ Отметив наши достижения, преосвященнейший Владыка Алексей нас благословил на дальнейший тяжелый подвиг по защите и укреплению дела истинного православия и при этом сказал нам, чтобы мы продолжали свою работу и больше привлекали на свою сторону народа, которому надо разъяснять и убеждать в том, что Советская власть... дело творит угодное только антихристу и враждебное истинному христианину, и что истинный христианин не должен

смущаться Советской власти, а главное не идти в колхозы □ .

По свидетельству иеромонаха Владыка, якобы, также сказал, что через два-три месяца вернется в Воронеж и снова займет положение правящего архиерея: □ Срок, определенный им для возвращения в Воронеж, есть срок гибели советской власти, которая будет свергнута, и в недалеком времени должен быть убитым Сталин, или же уже убит, не помню □ . Следует отметить, что епископ уже несколько лет публично выражал свое мнение о непрочности советской власти.[34]

21 декабря 1932 г. еп. Алексей был доставлен с Соловков в Воронеж. В тот же день его допросил начальник отделения секретно-политического отдела Меньшиков. Органы следствия прежде всего интересовали обстоятельства встречи епископа с иеромон. Вассианом и мон. Серафимом, и Владыка признался, что давал указания о церковной деятельности. Измученный многолетним пребыванием в лагерях и тюрьмах, неоднократными этапами и пересылками, шантажируемый угрозой расстрела, если не подпишет признание вины, еп. Алексей не выдержал давления органов следствия. Вероятно, его воля была сломлена и применением пыток (по воспоминаниям сидевшего с епископом в тюремной камере заключенного, во время следствия Владыку пытали электротоком).[35]

25 декабря еп. Алексей написал покаяние: □ Благодаря своему воспитанию и окружавшей меня среде, я за время существования революции был враждебно к ней настроен, и, естественно, проявил в своей деятельности такую же враждебность и непримиримость к Советской власти, в чем я перед ней раскаиваюсь. Жизнь в исправительно-трудовых лагерях и постоянные размышления о взятой мною неправильной позиции, привели меня к тому, что у меня изменилось отношение к Советской власти, и, что я теперь, с нынешнего часа, решительно отметаю от себя всякую контрреволюционность и отмежевываюсь от всякой контрреволюции. Обещаюсь в будущем не проявлять никакой контрреволюционной деятельности □ .[36]

Правда, это покаяние было вырванным у Владыки истязаниями уловкой. Еп. Алексей не мог знать, что пребывавший с ним в одной камере священник Василий Кравцов был завербован ОГПУ и с марта 1932 г. под кличкой □ Мартов □ давал секретные донесения. 27 декабря осведомитель □ Мартов □ доносил: □ Епископ говорит, что это раскаяние не от души, что все написанное есть ложь, но да будет, мол, ложь во спасение. Он сильно боится, что это раскаяние будет обнародовано, и, утешая себя, говорит, что народ, а тем более, кто меня хорошо знает, этому не поверят. Это раскаяние служило, как он говорит, для меня маневром, я хотел при помощи его прекратить следствие свое и также следствие вас всех □ . А 28 декабря еп. Алексей по словам □ Мартова □ в камере заявил ему: □ Они хотят при моей помощи ликвидировать... истинное православное течение; этого я никогда не сделаю, хотя бы они и пугали меня смертью. Я готов помереть за святую церковь с чистой совестью □ .[37]

Обвинительное заключение по данному делу от 5 марта 1933 г. было составлено на 75 человек. Постановлением Коллегии ОГПУ от 28 марта 56 человек приговорили к разным срокам заключения. Другим постановлением Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1933 г. были приговорены 19 человек: пятеро — иеромонах Вассиан (Молодцкой), иеродиакон Варсонофий (Фурсов), священник Димитрий Загуменных, священник Александр Дубинин и мирянин Ф.П. Лузганов - к высшей мере наказания, остальные - к разным срокам заключения. Постановлением Коллегии ОГПУ в конце апреля 1933 высшая мера была заменена осужденным на 10 лет заключения.

Подписав угодные органам следствия протоколы о деятельности церковно-монархической организации и ее составе, еп. Алексей избежал нового лагерного срока. 12 марта его перевезли в Москву и заключили в знакомую Бутырскую тюрьму. 2 апреля дело в отношении епископа было прекращено, и 11 апреля принято постановление отправить его ближайшим этапом в Соловецкий лагерь на острова для отбывания наказания, вынесенного Коллегией ОГПУ 3 сентября 1931 г.

В конце апреля 1933 г. Владыка Алексей вновь прибыл на Соловки, где на него продолжили собирать досье. Осведомитель Звезда, как и раньше, информировал администрацию, что епископ пользуется почетом и уважением со стороны заключенных, в особенности духовенства.[38] Вместе с Владыкой отбывали срок заключения и некоторые его сподвижники.

Сохранились воспоминания о пребывании бுவцев в Соловецком лагере. Так, бывший узник Соловков академик Д.С. Лихачев писал об общем духовнике иосифлян в лагере прот. Николае Пискановском: Светлым человеком был... о. Николай Пискановский... Его нельзя было назвать веселым, но всегда в самых тяжелых обстоятельствах он излучал внутреннее спокойствие. Я не помню его смеющимся или улыбающимся, но всегда встреча с ним была какой-то утешительной... У о. Николая был антиминос, и он шепотом совершал литургию в 6-й ("священнической") роте... О. Николай знал, что его жену также арестовали, и очень беспокоился о детях: что если возьмут в детдом и воспитают атеистами? И вот однажды, когда его вывозили из лагеря, в Кемперпункте он стоял в мужской очереди за кипятком. С другого конца к этому же крану подходила женская очередь. Когда о. Николай подошел к крану, он увидел у крана свою жену. Их заслонили заключенные (разговаривать мужчинам с женщинами было строго запрещено) и о. Николай узнал радостную для него весть - детей взяли верующие знакомые... Жизнь о. Николая была сплошным мучением, а может быть, и мученичеством. [39] Умер о. Николай Пискановский в середине 1930-х гг. уже в ссылке в Архангельске от туберкулеза.

Осенью 1937 г. еп. Алексей, работавший в это время в лагерном деревополировочном цехе был взят под стражу. Соловецкий лагерь в это время подлежал ликвидации, большинство его узников перевели в другие места заключения, а около полутора тысяч, казавшихся властям особенно опасными, решили уничтожить. Владыка Алексей был приговорен к высшей мере наказания постановлением Особой Тройки Управления НКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г. и 3 ноября расстрелян вместе с группой других узников Соловков. Несколько десятилетий место расстрела и захоронения новомучеников было неизвестно. Еще в середине 1990-х гг. в научных публикациях говорилось, что это произошло на Большом Соловецком острове.[40] Лишь несколько лет назад в результате архивных поисков и раскопок Научно-информационного центра Мемориал (Санкт-Петербург) и карельских краеведов удалось установить, что епископ Алексей и другие соловецкие узники были расстреляны и похоронены в урочище Сандормох вблизи г. Медвежьегорска в Карелии. В настоящее время на этом месте построена и освящена церковь, воздвигнут Мемориальный комплекс и ежегодно отмечается дата гибели новомучеников.

[1] Антонов В. О жизни священномученика Алексия (Буй) // Русский пастырь. 1997. № 28-29. С. 191-193; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 831, д. 268, д. 273, л. 3-6.

[2] Антонов В. Указ соч. С. 193.

[3] Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 307, 622; Антонов В. Указ. соч. С. 193-194.

[4] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 417, 835, 960; За Христа пострадавшие. Кн. 1. М., 1997. С. 58; Осипова И.И. Сквозь огонь мучений и воду слез... М., 1996. С. 254; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), ф. 9323, оп. 2, д.

16967, т. 12, л. 67.

[5] Польский М. Новые мученики российские. Джорданвилль, 1956. Т. 2. С. 68-69.

[6] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 4, л. 458.

[7] Там же, л. 456-457, т. 5, л. 819.

[8] Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 569, 605-606.

[9] Там же. С. 986; Акиншин А.Н. Церковь и власть в Воронеже в 1920-1930-е годы (Процессы Петра Зверева и Алексия Буй) // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 1993. С. 136.

[10] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 18.

[11] Там же, л. 16, т. 5, л. 832.

[12] Я иду только за Христом... / Публ. А. Мазырина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2005. С. 414.

[13] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 50.

[14] Там же, т. 4, л. 354.

[15] Осипова И.И. Указ. соч. С. 109-110.

[16] Там же, т. 1, л. 15-17.

[17] Там же, л. 26.

[18] Там же, л. 9-10.

[19] Там же, л. 29-31; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 1000, оп. 88, л. 9.

[20] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 30-31.

[21] Там же, т. 3, л. 309.

[22] Там же, т. 4, л. 115.

[23] Там же, л. 446.

[24] Там же, т. 5, л. 803-819.

[25] Там же, т. 1, л. 88.

[26] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО), ф. арх.-след. дел, д. П-78806, т. 2, л. 423-425; Осипова И.И. Указ. соч. С. 111.

[27] ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-17699, т. 7, л. 40.

[28] Там же, л. 43-44.

[29] Там же, л. 42, 44.

[30] Там же л. 48.

[31] Там же, д. П-22583.

[32] Там же, д. П-17699, т. 7, л. 44.

[33] Там же, л. 2-3, т. 1, л. 7, 9, т. 2, л. 42.

[34] Там же, т. 1, л. 9.

[35] Там же, т. 2, л. 33; Осипова И.И. Указ. соч. С. 113.

[36] Акиншин А.Н. Священномученик Алексей Воронежский // Православная Жизнь. 1995. № 8. С. 14.

[37] Там же. С. 14-15; ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-17699, т. 7, л. 2-3.

[38] Акиншин А.Н. Священномученик Алексей Воронежский. С. 15.

[39] Из новейшей истории Русской Церкви // Православная Русь. 1995. № 14. С. 7.

[40] Акиншин А.Н. Священномученик Алексей Воронежский. С. 15 и др.

[Сайт СПбДА](#)